

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-70-80

УДК 316.723

Этосы образования и модернизация российского обществаАлександр Павлович Павлов¹, Павел Александрович Павлов²

¹ кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ) pavloff56@list.ru

² кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ) savel-b@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа образования как социального ресурса воспроизводства российского общества в условиях его модернизации в начале XXI в. По мнению авторов, эти возможности содержатся в образовательной среде, и прежде всего в таком ее компоненте, как образовательный этос. В статье различаются понятия «образовательное пространство» и «пространство обучения». В пространстве обучения молодой человек получает необходимые для жизни знания. В образовательной среде молодой человек формируется как участник воспроизводства общества, т. е. как социальный актор. Проблема современного образования состоит в том, что существующие практики и методы обучения не направлены в достаточной мере на воспроизводство акторов, отвечающих требованиям модернизации российского общества. Современный этап модернизации общества (а образование является важнейшей его подсистемой) выдвигает новые требования к механизму воспроизводства образовательной среды, который в статье обозначается как аутопойезис образования. Цель статьи — показать возможности повышения эффективности образования как аутопойетической системы. Эти возможности авторы видят в структуре этоса образования. В работе исследуется феномен и характерные признаки этоса образования. Этос образования на основе социально-онтологического подхода трактуется как система этико-онтологических отношений, которые обеспечивают вовлечение молодых людей в процессы образовательного аутопойезиса в качестве его акторов.

Ключевые слова: модернизация образования, образование как социальный ресурс, кризис образования, этосы образования, аутопойезис, образовательная среда, классическое образование.

Цитирование: Павлов А. П. Этосы образования и модернизация российского общества / А. П. Павлов, П. А. Павлов // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 4. С. 70-80. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-70-80

ВВЕДЕНИЕ

В современных социологических и педагогических публикациях немало говорится о кризисе современного отечественного образования. На наш взгляд, прежде всего следует эксплицировать ряд понятий и связанных с ними топик и проблематики, которые, несмотря на внешнюю очевидность и частоту применения, нуждаются в уточнении. Во-первых, что такое «кризис об-

разования»? Действительно, когда речь идет о кризисе образования, важно определиться с тем, что имеют в виду специалисты, исследующие данную проблему. Само слово кризис (от греч. κρίσις — решение, суждение, различение) имеет ряд смысловых оттенков: «переломный момент», «тупиковая ситуация», «граница», «переходное состояние». Несмотря на широкий диапазон смысловых оттенков, можно определить кризис

как ситуацию тупика, когда прежние способы существования какого-либо объекта (института, группы, среды и т. д.) невозможны. Или они будут просто разрушать данный объект, не давая ему возможности себя воспроизводить.

Есть еще одно проявление кризиса, которое, на наш взгляд, имеет место в сфере образования: имитация. Объект в ситуации кризиса не развивается. Он как бы «заморожен». Создается иллюзия его саморазвития. На деле объект может существовать и функционировать только тогда, когда он получает задание извне, на которое «накладываются» внешние функции (Д. Сёрль). Т. е. объект (система) утрачивает качество аутопойезиса (саморазвития благодаря собственным элементам).

Все названные проявления кризиса в различной мере относятся и к современному российскому образованию.

Важно уточнить, что такое «кризис образования». Образование не тождественно обучению. Образование есть среда, в которой осуществляется процесс воспроизводства человеческих ресурсов для общества. Она включает не только различные аспекты учебно-педагогического процесса, но и социальные, социокультурные детерминанты, которые связаны с учебно-педагогическим процессом опосредованно.

Итак, совершенствование образования не сводится к совершенствованию элементов учебной среды, включая систему подготовки учителей, материальное обеспечение учебного процесса, развитие информационных технологий и т. д. Современный этап модернизации общества (а образование является важнейшей его подсистемой) выдвигает новые требования к механизмам воспроизводства образовательной среды, которые в статье обозначаются как аутопойезис образования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несколько слов следует сказать о сути аутопойезиса (применимо к социальным объектам). Концепт и сам термин аутопойезиса предложили чилийские ученые У. Матурана и Ф. Варела [6, с. 15]. Немецкий социолог Н. Луман экстраполировал данный концепт на общественную жизнь [5]. Главный принцип аутопойезиса состоит в

том, что воспроизводство мира и воспроизводство акторов — взаимосвязанные процессы, или, точнее сказать, это единый процесс. Известный социолог Дж. Ритцер выделяет четыре характерные особенности аутопойезиса: «общество производит свои собственные базовые элементы; создает собственные границы и структуры; оно самореферентно и замкнуто» [9, с. 223].

Основываясь на идеях вышеназванных ученых, можно определить суть аутопойезиса в сфере образования. Образование есть комплексный процесс, выходящий за рамки учебного процесса. Он охватывает социокультурную среду и социальные институты, в которых осуществляется социализация молодого человека (семья, общественные организации, учреждения культуры, СМИ и т. д.). Школа — институциональная среда, в которой аккумулируется социальный опыт молодого человека, востребованный в данном социуме. При этом молодой человек не только приобретает необходимые для жизни компетенции, но осваивает качества, которые позволяют ему конституировать себя как социального актора. Иными словами, молодой человек способен быть участником и важнейшим элементом социального воспроизводства (аутопойезиса).

На разных этапах исторического развития и в различных типах цивилизаций образование выполняло специфические аутопойетические функции.

Исторические типы (парадигмы) образовательного аутопойезиса:

1. Подражательный (имитационный). Система «учитель — ученик». Свидетельство древнейшего происхождения данного типа — Упанишады, древнеиндийский религиозно-философский трактат VIII в. до н. э.

Духовный опыт и знания передавались благодаря личному примеру духовных учителей — гуру. Ученики не просто учились и получали знания от учителя, они непосредственно перенимали жизненный опыт, которым владел их учитель. Смысл имитационной парадигмы образования — не столько производство новых знаний, сколько их воспроизводство. Главное — сохранение опыта прошлого, поскольку духовный источник именно

в прошлом. Обращение к прошлому происходило не только в специальных знаниях, но и в культовых магических практиках, ритуалах, в специальных мифопоэтических рассказах (эпосах).

2. Классический (эйдетический). Сформировался еще в V в. до н. э. в античной Греции. Образовательный аутопойезис основывается на специфическом философском дискурсе (иными словами, способе мышления). «Классический тип философствования предполагает наличие системы образцов, определяющих соизмерение и понимание основных аспектов и сфер бытия: природы, общества, жизни людей, их деятельности, познания, мышления» [3, с. 399]. Классический дискурс опирается на традиции, авторитет ученых, мыслителей, научных школ, религиозных догматов, идеологических клише, образовательных стандартов и т. д.

Классический дискурс лежит в основании классического типа образовательного аутопойезиса. Его суть в том, что классическое образование ориентировано на формирование типа личности, соответствующего сложившимся исторически культурным образцам. Молодой человек не просто осваивает знания, он формируется как актер, и его практические, профессиональные компетенции релевантны социальным (личностным) компетенциям.

Предполагается, что молодой человек не пассивно осваивает школьные или университетские знания. Он их осваивает как носитель принятых в обществе культурных паттернов. Симметрия аксиологического (ценностного, этического) и утилитарного начал в классическом образовании дает молодому человеку возможность включаться в процессы воспроизводства социума, не разрушая его архитеконику (в этом суть классического аутопойезиса).

Классическое образование не лишено недостатков. Но оно внесло неоценимый вклад в развитие не только науки, литературы, живописи, музыки, архитектуры, собственно образования, но и в становление современных цивилизаций. Без классического образования невозможно представить Л. Да Винчи, Г. Галилея, И. Ньютона, Р. Декарта, И. Канта, Л. Н. Толстого и многих других великих ученых и художников. Но без

классического образования невозможно представить и современные технологии, экономические и политические институты (включая демократию), личностные свободы.

3. Неклассическое и постнеклассическое образование.

Вторая половина XX и особенно начало XXI в. ознаменованы вступлением человечества в стадию «информационного общества». Данному феномену в отечественной и западной литературе уделено значительное внимание. Рамки статьи и ее основная направленность не позволяют остановиться даже на некоторых из концептов «информационного общества».

Отметим, что у «информационного общества» есть скрытая, часто не замечаемая сторона. Речь идет о его гуманитарной составляющей. Т. е. информационное общество — это не только развитые информационные технологии. Это новый тип воспроизводства общества и человека, или, в предлагаемой в статье терминологии, — аутопойезис. Следует напомнить, что аутопойезис осмысливается авторами статьи как механизм двойного воспроизводства: воспроизводства акторов, воспроизводящих социальные связи («сети»), которые, в свою очередь, создают условия для воспроизводства самих акторов.

Одним из первых, кто обратил внимание на гуманитарную составляющую информационного общества, был А. Моль [7]. Французский исследователь показал, что в условиях тотального доминирования массовой коммуникации образуется новый тип личности с расщепленным сознанием. Актеры данного типа не имеют субстанциональной эйдетической опоры. Они не обладают фиксированным онтологическим местом в коммуникативном пространстве социума. Да и само пространство не сегментировано, в нем нет символических разметок, габитусов. А. Моль называет такое пространство «мозаичным».

Как в этих условиях возможен аутопойезис? (Сам термин «аутопойезис» А. Моль не использовал.) Есть единственный способ: социальный актер должен быть «экспертом». Эксперт не просто узкий специалист. Это актер, который может осуществлять «акторские» функции, только полу-

чая задания извне. Его креативные способности проявляются в правильном исполнении инструкций. Эмансипация и отчуждение средств массовой коммуникации (включая систему знаний) от актора превращают последнего в объект манипулирования со стороны политических и бизнес-элит.

Одни ученые видят в отсутствии субстанциональных преград, в «беспочвенничестве» мира эмансипацию человека от пут, сковывающих человеческую свободу традиций, идеологического диктата, национальных предрассудков, благодаря которой раскрываются возможности его (человека) саморазвития. Другие, наоборот, рассматривают это как тяжелый и необратимый гуманитарный кризис, который неизбежно приведет (если уже не привел) к «смерти субъекта» как суверенного актора, поскольку без «почвы» он превращается в вещь, которой можно манипулировать.

И у первой, и у второй позиции есть свои аргументы. Такую ситуацию можно назвать «точкой бифуркации», разрывом двух связанных и одновременно взаимоисключающих трендов — появлением универсальных кодов коммуникации, позволяющих акторам оперировать большими объемами гетерогенной информации и, с другой стороны, забвением классической «корневой» основы знаний, которая сопровождается утратой акторами такого качества, как «авторство». Под авторством понимается способность людей занимать свою собственную позицию в коммуникативном пространстве. Отсутствие такой позиции приводит к «смерти автора».

Разумеется, «смерть авторства» не следует понимать буквально. Безусловно, авторство и авторы живут и здравствуют. Речь идет лишь о заимствованной у постмодернистов метафоре, отражающей бессубъектность аутопойезиса в сфере образования.

Возможно, мысль о бессубъектности аутопойезиса кажется достаточно спорной и необоснованной. Если у аутопойезиса нет субъектов — кто тогда производит современную технику и технологии, кто развивает современную науку? Речь идет не о деградации человеческого интеллекта, а о месте человека в социально-коммуникативном пространстве.

Классическая парадигма образования могла существовать в условиях стабильного, «стационарного» социума. В неклассическую эпоху мозаичной культуры и культуры «экспертов» (А. Моль) элементы классического образования сохранялись, но подвергались серьезной критике за формализм, бюрократизм, неуважение к личности ребенка, отсутствие свободы самовыражения и т. д. Можно вспомнить знаменитый фильм А. Паркера «The Wall» 1982 г., в котором школа изображается в виде гигантской виртуальной мясорубки, которая из детей делает обезличенный человеческий материал.

В современных реалиях можно говорить о кризисе классического образования. Слово «кризис» не означает того, что классическое образование исчерпало свои возможности. Как раз наоборот.

Начиная с 1990-х гг., после распада СССР, многие реформаторы образования, видимо, посчитали, что классическое образование устарело и не соответствует современным тенденциям. По их мнению, нет необходимости воспроизводить классические паттерны образования с учетом специфики страны в условиях глобализации и деидеологизации мирового общественно-политического и культурного пространства. Современное «сетевое общество» не привязано к базовым культурным образцам, «эйдетическим корням».

Важнейшим индикатором забвения классического образования является кризис его гуманитарной составляющей. Такой вывод может показаться странным, учитывая настоящий «бум» на высшее гуманитарное образование в современной России. Кризис гуманитарного образования выражается не только в сокращении часов, выделенных на гуманитарные науки в общеобразовательных школах и вузах. Гуманитарная составляющая образования необходима при организации учебного процесса и «негуманитарных» наук: физики, химии, математики и т. д. Ее социальный смысл — формирование человека, готового и способного не только применять знания на практике, но и создавать и воспроизводить саму «практику» — пространство возможностей для реализации в качестве социального актора.

Но кризис классического образования вовсе не свидетельствует о его деградации. Эффективны те образовательные системы, которые инкорпорировали в себя элементы классического образования с учетом национальных традиций социума и менталитета его жителей. Необходимость реабилитации классического образования как аутопойезиса особенно актуальна в условиях появления «сетевых» принципов социетальных порядков и связанных с ними постнеклассических моделей коммуникации.

Именно классическое образование является противовесом разрушительным антигуманитарным тенденциям элиминации, «вынесения за скобки» человека как суверенного и единственного субъекта аутопойетических процессов в обществе.

Существуют различные теории, обосновывающие мысль, согласно которой в ситуации « сетевого общества» субъектами (актерами) социального воспроизводства и модернизации могут быть не только люди, но и любые объекты. Французский социолог Б. Латур полагает, что в «сетевом обществе» актерами («актантами») выступают не только люди, но и любые процессы, артефакты, социальные группы, даже микробы, которые вовлечены в аутопойезис социальных сетей [15].

Действительно, мы живем в мире, в котором все взаимосвязано. Определить долю участия отдельного субъекта в социальных процессах « сетевого мира» исключительно трудно, если вообще возможно. Конечно, все сказанное не означает того, что мы не ценим вклад великих людей в развитие современных технологий, науки, культуры, политики (Б. Гейтс, И. Маск, С. Спилберг, М. Цукерберг, В. Путин и т. д.). Но подавляющее большинство людей включены в «сетевую» аутопойезис анонимно, «заочно».

Опасность забвения или недооценки классического образования, возможно, сегодня не сильно волнует людей. Это связано, по-видимому, с тем, что многие из них, особенно молодежь, связывают свое образование и самореализацию с «сетями» и Интернетом. «Сети» и Интернет сегодня выступают важнейшими каналами вос-

полнения кризиса идентичности, экзистенциального вакуума, аномии, особенно после распада СССР, разрушительных антигуманитарных процессов, происходивших в России в 90-е гг. XX в., когда не только была разрушена общественно-политическая система, идеология социализма, но были утрачены базовые смысловые ориентиры.

«Сети» и Интернет завоевали умы практически всей молодежи. Речь идет не только о доступном и оперативном источнике информации. Благодаря «сетевой» коммуникации молодые люди чувствуют себя более свободными и независимыми от диктата взрослых. «Сетевая» коммуникация отличается высокой степенью независимости от социального контекста (социальных, политических, идеологических и даже материальных условий жизнедеятельности.) Актеры сетевого мира свободны в принятии решений, в суждениях, оценках, в строительстве персональных жизненных стратегий. Для актеров сетевого общества неприемлем чей-то диктат и подчинение. Действия актеров не обременены моральными или статусными обязательствами, скрепами.

Во-вторых, актеры практически не зависят друг от друга или, по крайней мере, эта зависимость не носит принудительного характера. В сетевом обществе нет иерархии, вертикальной зависимости. Актер сетевого мира отвечает за свои действия исключительно перед собой.

В-третьих, будучи не «привязанным» к определенному социальному контексту, актер не обременен социальной ответственностью. Социальная идентичность не выражена, поскольку актер выстраивает скорее партнерские отношения с членами виртуального сообщества. Говорить о преданности сообществу не приходится.

В-четвертых, у актеров сетевого мира нет, как правило, «длинных» стратегий, нет устойчивых предпочтений. Они предпочитают строить планы на ближайшую перспективу здесь и сейчас. Речь, подчеркнем, идет в первую очередь о молодежи — гипермобильной, быстро реагирующей на социальные изменения, прекрасно знающей социальную, профессиональную, экономическую конъюнктуру, не боящейся рисковать деньгами

(их, как правило, все равно мало) и репутацией (она часто воспринимается как далеко не самый важный капитал).

А как же быть с классическим образованием и связанными с ним отношениями (непосредственный диалог учителя и учеников), классическими формами обучения (просвещение, воспитание, дисциплинирование)? Не только многие молодые люди, их родители, но и ряд «прогрессивных» педагогов-инноваторов, ученых, психологов полагают, что классическое образование не просто устарело, оно сдерживает развитие общества. Почему-то многие теоретики и практики — реформаторы образования в России после разрушения СССР и связанной с ним коммунистической идеологии (в советской редакции) посчитали, что молодой человек — ребенок, подросток, юноша — должен быть эмансипирован от «идеологического диктата» взрослых. Никто не вправе вмешиваться в личное свободное пространство молодежи.

Как было сказано выше, образование как аутопойетическая система может существовать в собственном постоянно генерируемом пространстве, которое, в свою очередь, инкорпорировано в социально-культурное пространство социума.

Для понимания природы социального пространства образования можно воспользоваться теорией трех миров К. Поппера, но в существенно иной редакции. Согласно теории К. Поппера, сосуществуют, взаимосвязаны между собой три мира: 1) объективная реальность; 2) субъективный мир сознания; 3) мир объективного содержания мышления, продуктов мыслительной деятельности людей [17].

С точки зрения социально-онтологического подхода (socio-ontological approach) концепция трех миров приобретает несколько иной вид.

Первый мир — **мир человеческой экзистенции**, непосредственного человеческого бытия. Речь идет о так называемом «жизненном мире». Это допредикативный, дорефлективный мир, в котором обнаруживаются, проявляются экзистенциалы человеческого бытия: фундаментальное настроение «быть», присутствие-в-мире как первичном онтологическом начале человеческого

бытия. Внутри данного мира аутопойезис проявляется как забота о совместном-с-другими мире.

Второй модус пространства («мир») можно назвать **социетальным миром**, или миром «Системы». Если «первый мир» — мир заботы о бытии, то «второй мир» — инструментальный, ресурсный. Люди озабочены не только присутствием в мире, надежном, онтологически безопасном, но и ресурсами данного мира. Аутопойезис «второго мира» есть воспроизводство условий существования людей (материальных, организационных).

«Третий мир» есть структурно организованное **пространство знаний, смыслов, паттернов**. Речь идет об эйдетической сфере, обеспечивающей включенность индивидов в социальные коммуникации. «Третий мир» образует смысловые границы, в рамках которых конституируются идеальные типы социальных акторов. Каждая цивилизация конституирует типы акторов (личностей), которые соответствуют образцам эйдетической картины мира.

Таким образом, третий мир — важнейший компонент социального аутопойезиса, поскольку соединяет экзистенциально-онтологический и инструментальный модусы социального воспроизводства с личностным. Основой «третьего мира» является образовательная среда, центральным элементом которой выступает личность молодого человека. Поэтому образовательная среда включает в себя весь комплекс условий, формирующих молодого человека в качестве активного социального актора.

Образовательная среда не существует изолированно от других сфер («миров») социального бытия. Но связь между ними не только практическая. Конечно, современная образовательная система нуждается в современном оборудовании, информационных и управленческих технологиях, в квалифицированных педагогах и т. д. Но не менее важна связь онтологическая. Она менее осязаема, поскольку касается экзистенциальной составляющей образования.

Что происходит с образовательным пространством в эпоху «сетевого общества»? Прежде всего оно утрачивает способность воспроизво-

дить и удерживать социальную реальность, которая утрачивает эйдетическую целостность, ясность. Иными словами, современный человек живет в избыточно сложном мозаичном мире, напоминающем лабиринт, в котором разрушены традиционные коммуникационные каналы. Не одной реальности — есть множество реальностей, внезапно возникающих и так же внезапно растворяющихся в бесконечном коммуникативном сетевом потоке, в котором объект и субъект, означающее и означаемое постоянно меняются местами (вспомним теорию Б. Латура).

Важным элементом образования как аутопойезиса является этос образования. В переводе с греческого этос (ethos) — обычай, правила поведения. Рамки статьи не позволяют сколько-нибудь подробно остановиться на различных подходах и теориях этоса.

В социальных науках понятие «этос» используется редко. Можно предположить, что включению данного понятия в тезаурус социальных наук способствовал известный труд М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой немецкий социолог рассматривает религиозно-этические основания развития общества, в частности западно-европейских цивилизаций.

Общее, что объединяет данных ученых — попытка объяснить природу социальных явлений и процессов не структурными свойствами и институциональными механизмами социальных систем, а особенностями ценностного (культурного) ядра конкретного социума [13, 14, 18].

Членство в обществе, способность индивидов быть актерами данного общества обусловлены отношением к культурному ядру, вокруг которого выстраивается и упорядочивается социальная жизнь. Но культурное ядро не просто объединяет людей, выступая в роли культурного аттрактора. Оно выступает как центральная интенция и одновременно как горизонт возможностей для индивидов проявить себя в качестве акторов общества. Культурное ядро образует дискурсивное пространство, в котором складываются традиции, без которых невозможно поддерживать идентичность социального порядка данного социума [18].

Этос, по мнению В. И. Бакштановского и В. Ю. Согомонова, — «промежуточный уровень

между пестрыми нравами и собственно моралью, сущим и должным» [1, с. 96]. Согласно другой точке зрения, этос — «не декларируемые или задаваемые нормы и ценности, а те, которыми люди реально руководствуются, поступая так или иначе» [8, с. 31].

Обобщая сказанное и внося определенную редакцию в высказанные суждения, можно дать собственное определение этоса. **Этос** есть корневая ценностная система, то, что зримо или незримо, явно или неявно соприсутствует в обыденной жизни людей. Этосы могут существовать внутри пространств, конструктом которых они являются. Такими пространствами могут быть община, школа, университет.

Что такое образовательный этос? Это система устойчивых и горизонтальных взаимоотношений между участниками образовательного процесса: учителями, учащимися, их родителями, администрацией школ (университетов). Образовательный этос непосредственно не формирует знания. Но он создает и консолидирует среду, в которой учащиеся (школьники, студенты) формируются в качестве акторов образовательного процесса; «в целом постоянно ухудшающееся качество нашего образования — общего и профессионального — производно от снижения уровня образовательного этоса, в том числе академической культуры» [4, с. 208].

Атрибутами образовательного этоса являются различные формы солидарности (дружба, братство), особые поведенческие ритуалы (инициации). Этос — это то, что дает возможность индивиду ощущать границы своего подлинного бытия. Это мир, в который он всегда должен возвращаться. Архитектоника этоса не учреждается какими-то институтами, а конституируется непосредственными членами этической солидарности. Этосы неотделимы от акторов, которые их воспроизводят. Образовательный процесс возможен тогда, когда учителя совместно с учащимися осуществляют общее дело, «произведение» (пойезис).

Этос всегда предполагает солидарность — естественную связь заинтересованных участников общего дела. Но это не системная связь. В системе каждый элемент является составной

частью целого. В этосе нет элементов (конструктов), из которых складывается целое. В этосе нет иерархии и нет субординации. В этосе каждая участвующая единица самодостаточна.

Таким образом, атрибутами образовательного этоса являются: чувство своего места в этическом сообществе, самоуважение, доверие к учителю, к окружающим. Разумеется, все сказанное столь очевидно, что не нуждается в особых пояснениях и комментариях. Но все названные этические качества не могут быть воспитаны и внедрены в сознание молодых людей искусственно.

Должна быть особая этическая среда и связанная с ней система этических практик и ритуалов, позволяющих молодым людям почувствовать себя сопричастными общему делу: посвящение (инициация); поддержание корпоративного духа этоса и его членов; формирование мифов, легенд, «историй» этосов, формирование собственного стиля; выдвижение лидеров, представляющих интересы этического сообщества, и т. д. Этическая среда позволяет молодому человеку строить и воплощать на практике свои жизненные стратегии [10].

При этом следует признать наличие признаков «угасания» образовательного этоса в современных условиях. Угасание этоса не означает его исчезновения. Просто этос «приспосабливается» к новым условиям, утрачивая свойство среды, в которой молодой человек конституируется в качестве актора образовательного аутопойезиса.

Существуют внешние и внутренние угрозы образовательному этосу. Внешние — «колонизация» этосов административной системой. «Колонизация» этоса происходит тогда, когда административная система пытается искусственно инкорпорировать этос в себя, навязать ему собственные правила и коды, подчинить «офисным» императивам, инструкциям.

Внутренние угрозы — образование параллельных этосов. Этос может замещать административную систему, выполняя несвойственные ему функции. Например, внутрикорпоративная солидарность учителей, преподавателей, учащихся, которые образуют свои виртуальные «магические корпорации». Внутренние угрозы связаны с внешними. Этосы, сопротивляясь давлению

(«колонизации») административной системы, образуют собственные внутренние структуры, замкнутые на самих себе. Речь идет о так называемых «параллельных этосах».

Подчас эти корпорации образуют симбиозы, «сети» отношений, внутри которых возникают деструктивные неформальные институты, структуры, которые замыкаются на себе, «варятся в собственном соку». «Параллельные» этосы создают собственные правила, собственные кодексы поведения, собственные формы солидарности. Замыкаясь на себе, этос просто разрушится или же будет представлять собой деструктивное аморфное образование. Современная школа и даже университет «обременены» параллельными этосами с присущими им негативными чертами: «круговая порука», протекционизм, давление на учителей (особенно принципиальных и требовательных).

Отсутствие здоровых корпоративных отношений между административными структурами и этосами, основанных на взаимном доверии с одной стороны, и на гласности, открытости с другой, является серьезной проблемой развития современного образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы образования всегда были в центре внимания социологов. Но в современных реалиях данная топика актуальна как никогда. Это связано не только с качеством преподавания и обучения в целом, с недостаточной обеспеченностью информационными технологиями школ и вузов и бюрократизацией всей системы образования. Споры и дискуссии по поводу того, какое образование необходимо в России, были всегда и, нет сомнения, будут продолжаться и в будущем. Но хотелось бы, чтобы «ученые мужи», социологи, педагоги, психологи, политики, занимающиеся данной проблемой, больше внимания обращали на то обстоятельство, что слово «образование» происходит от слова «образ». Смысл образования не только в обучении навыкам, умениям, знаниям, а в формировании образа (образца) человека, который может и должен быть актором современного мира и самого себя в качестве элемента этого мира.

В статье обосновывается идея о том, что, несмотря на «тектонические» сдвиги во всех областях социальной жизни, с вступлением России в большую «глобальную деревню» под названием «сетевое общество» роль классического образования со всеми его атрибутами не должна быть утрачена. Об этом свидетельствует позитивный опыт образования в развитых странах

мира: Японии, Швеции, Южной Кореи, Финляндии [11].

Речь идет о таких атрибуциях классического образования, как «образовательное пространство», «образовательный этос». Как, каковы механизмы включенности классического образования в современные образовательные процессы — тема для отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакштановский В. И. Введение в прикладную этику: монография / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. 392 с.
2. Вахштайн В. Дело повседневности. Социология в судебных прецедентах / В. Вахштайн. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 144 с.
3. Кемеров В. Е. Классическое, неклассическое, постклассическое / В. Е. Кемеров // Современный философский словарь. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. 1064 с.
4. Любимов Л. Л. Угасание образовательного этоса / Л. Л. Любимов // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 199-210.
5. Луман Н. Общество как социальная система / Н. Луман. М.: Логос, 2004. 232 с.
6. Матурана У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
8. Пригожин А. И. Российский этос: обогащение или лечение? / А. И. Пригожин // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 29-40.
9. Ритцер Д. Современные социологические теории / Д. Ритцер. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
10. Труфанов Д. О. Жизненные траектории городской молодежи Красноярского края (по материалам социологического исследования): монография / Д. О. Труфанов, А. П. Павлов. Красноярск: Филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2011. 192 с.
11. Уокер Т. Финская система обучения. Как устроены лучшие школы в мире / Т. Уокер. М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.
12. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер. Минск: Пропилеи, 2000. 148 с.
13. Benedict R. Patterns of Culture / R. Benedict. Boston; New York, 1934. Pp. 36-37.
14. Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity / S. N. Eisenstadt. N.Y.: John Wiley & Son, 1973. 367 p.
15. Latour B. When Things Strike Back: A Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences / B. Latour // British Journal of Sociology. L., 2000. Vol. 51. No 1. Pp. 107-123.
16. Maturana H. R. The Organization of the Living: A Theory of the Living Organization / H. R. Maturana // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. Vol. 7. Pp. 313-332.
17. Popper K. R. Epistemology Without a Knowing Subject // Popper Karl R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K. R. Popper. Oxford: Clarendon Press, 1979. Ch. 3. Pp. 106-152.
18. Shils E. Centre and Periphery / E. Shils // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. Routledge & Kegan Paul, 1961. Pp. 117-130.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-70-80

UDC 316.723

Ethoses of education and the modernization of the Russian society

Aleksander P. Pavlov¹, Pavel A. Pavlov²

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Sociology, Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russian Federation)
pavloff56@list.ru

² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Department of Sociology, Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russian Federation)
savel-b@yandex.ru

Abstract. This article analyzes education as productive resources of the Russian society in the modernization conditions in the early 2000s. The authors believe that these resources lie mainly in the educational sphere, precisely, in the educational ethos. Thus, this article studies educational space as a sphere of creative challenges and opportunities for young people in the modernizing Russian society. The authors differentiate the terms “educational space” and “learning space”. In the educational space, a young person acquires knowledge necessary for his or her life. In the learning space, a young person is formed as a participant of society reproduction — a social actor. However, the authors believe that the existing practices and learning methods are insufficiently oriented at the reproduction of actors conforming to the requirements of social modernization. The modernization sets new demands to the reproduction mechanism of the educational medium — autopoiesis, which is the society’s ability to reproduce its own basic components, thus generating and reproducing another society. This article aims to demonstrate the possibilities for improving educational efficiency as an autopoiesis system. These possibilities lie in the structure of educational ethos, studied in detail (i. e. its phenomenon and peculiar features) in this work. The authors interpret educational ethos as a system of ethical and ontological relations, which involve the young people into the processes of educational autopoiesis as actors.

Keywords: ethos of education, autopoiesis, educational environment, classical education.

Citation: Pavlov A. P., Pavlov P. A. 2018. “Ethoses of education and the modernization of the Russian society”. *Siberian Socium*, vol. 2, no 4, pp. 70-80.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-4-70-80

REFERENCES

1. Bakshantovskiy V. I., Sogomonov Yu. V. 2006. Introduction to Applied Ethics. Tyumen: Research Institute for Applied Ethics of the Industrial university of Tyumen. [In Russian]
2. Vakhshayn V. 2015. The Case of Everyday Life: the Sociology in the Judicial Precedents. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. [In Russian]
3. Kemerov V. E. 1998. “Classical, non-classical, postclassical”. In: *Sovremennyy filosofskiy slovar*. 2nd edition, revised. London; Frankfurt am Main; Paris; Luxemburg; Moscow; Minsk: Panprint. [In Russian]
4. Lyubimov L. L. 2009. “Fading educational ethos”. *Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 199-210. [In Russian]
5. Luman N. 2004. Society as a Social System. Moscow: Logos. [In Russian]

6. Maturana H. R., Varela F. J. 2001. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Moscow: Progress-Traditsiya. [In Russian]
7. Moles A. 2008. *Sociodynamics of Culture*. Translated from French. 3rd edition. Moscow: LKI. [In Russian]
8. Prigozhin A. I. 2006. "The Russian Ethos: Treasure or Cure?". *Obshchestvennyye nauki sovremennost'*, no 2, pp. 29-40. [In Russian]
9. Ritzer G. 2002. *Modern Sociological Theory*. 5th edition. Saint Petersburg: Piter. [In Russian]
10. Trufanov D. O., Pavlov A. P. 2011. *Life Trajectories of Urban Youth of the Krasnoyarsk Territory (Based on a Sociological Study)*. Krasnoyarsk: Sankt-Peterburgskiy institut vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava. [In Russian]
11. Walker T. D. 2018. *Teach Like Finland: 33 Simple Strategies for Joyful Classrooms*. Moscow: Alpina Publisher. [In Russian]
12. Hübner B. 2000. *Beliebigkeitsethos und Zwangsästhetik*. Minsk: Propilei. [In Russian]
13. Benedict R. 1934. *Patterns of Culture*. Boston; New York.
14. Eisenstadt S. N. 1973. *Tradition, Change, and Modernity*. New York: John Wiley & Son.
15. Latour B. 2000. "When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences". *British Journal of Sociology*, vol. 51, no 1, pp. 107-123.
16. Maturana H. R. 1975. "The organization of the living: a theory of the living organization". *International Journal of Man-Machine Studies*, vol. 7, pp. 313-332.
17. Popper K. R. 1979. "Epistemology without a Knowing Subject". In: Popper K. R. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*, ch. 3, pp. 106-152. Oxford: Clarendon Press.
18. Shils E. 1961. "Centre and periphery". In: *The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi*, pp. 117-130. Routledge & Kegan Paul.